

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Антона Сергеевича Бакина
«СУБСИДИАРНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ», представленную к защите на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

(научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Н. Д. Титов;
специальность: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право)

Представленное к защите диссертационное исследование А. С. Бакина можно признать выполненным на актуальную тему, даже несмотря на тот факт, что в последнее время интерес к проблемам субсидиарности заметно возрос, а соответствующим вопросам был посвящен ряд исследований сопоставимого уровня (диссертаций). Проблема субсидиарности как явления и свойства правовой материи представляется весьма многогранной и многоаспектной, тем более, если в фокусе исследования оказывается отрасль гражданского права с присущими ей открытостью и диспозитивностью, равенством, автономией воли и имущественной самостоятельностью участников правоотношений. Диссертационное исследование организовано в четыре раздела (в оглавлении они никак не поименованы, но по тексту называются главами). Поскольку феномен субсидиарности автор рассматривает на трех уровнях его проявления, от «общего» (постановки проблемы субсидиарности в российском гражданском праве – глава 1) далее он логично переходит к «специальному» – анализу трех уровней (случаев) проявления субсидиарности: субсидиарному применению гражданского права РФ (глава 2), субсидиарному обязательству (глава 3), наконец, субсидиарной ответственности в гражданском праве (глава 4). Следует признать, что в целом автором предпринята небезуспешная попытка «вписать» («встроить») три выявленные им проявления (случая) субсидиарности в единую систему т. н. *вспомогательных правовых средств*, установить объединяющее их начало (субсидиарность как системное явление, образованное тремя подсистемами, у автора объединяется общим признаком дополнительного воздействия на общественные отношения), одновременно провести дифференциацию с другими известными вспомогательными правовыми средствами. Таким образом, субсидиарность, по мнению автора, в «широком» смысле представлена системным трехаспектным явлением, состоящим из: а) субсидиарного применения (норм гражданского права); б) субсидиарного обязательства; в) субсидиарной гражданско-правовой ответственности, а в «узком» смысле она сводится к каждому из трех этих проявлений (случаев) в отдельности. Выбор автором темы и избранный ракурс исследования можно одобрить, а сделанные выводы и предложения заслуживают тщательного осмысления.

Могу предположить, что субсидиарность – производная такого важнейшего признака и свойства права как его *системность*. Традиционно систему права связывали и продолжают связывать с его делением по отраслевому признаку, с поиском и

«шлифовкой» критериев дифференциации отраслей в системе права (предмет, метод, кодекс), с анализом и оптимизацией внутреннего устройства той или иной отрасли, с выделением под неудержимым напором динамики общественных отношений комплексных образований в системе права. Нередко этим и ограничиваются. Между тем система права имеет и другие проявления, к числу которых следует, например, отнести существующее параллельно перечню отраслей дихотомическое деление права на частное и нечастное (публичное), особенности взаимодействия между собой отраслей права и их структурных подразделений (институтов, субинститутов), конкуренцию между отдельными нормами и институтами (которую в современном гражданском праве уже вряд ли возможно отрицать), а также субсидиарность (которая как раз и стала достойным объектом диссертационного исследования А. С. Бакина). Все это – различные проявления права как системного явления. Могут также предположить, что явление субсидиарности едва ли стоит ограничивать гражданско-правовой отраслью, одновременно именно в гражданском праве с его целями, задачами и отраслевыми особенностями явление субсидиарности имеет свое наиболее полное, последовательное и рельефное проявление.

Общий анализ содержания исследования позволяет мне сделать вывод о его достаточном объеме, последовательности подачи материала, смысловой завершенности, пропорциональности структуры, общей грамотности соискателя. Анализ технической стороны работы позволяет констатировать соблюдение необходимых требований, наличие навыков работы с нормативными и ненормативными источниками, а также с электронными версиями изданий. Необходимая теоретическая база и аналитическая часть исследования, использование соискателем широкого круга источников разного жанра, включая диссертации, монографии, учебники, статьи, подробный анализ различных существующих в цивилистической литературе точек зрения, точность воспроизведения тех или иных взглядов и их критическое осмысление, использование различных исследовательских приемов и методов (анализ, классификация, сравнение и др.) – все это придает работе **полноту**, а сделанным выводам и предложениям, **ряд из которых могут претендовать на новизну, – обоснованность, достоверность и взвешенность**. По тексту диссертации и в многочисленных сносках приводятся разные точки зрения, высказанные в литературе по обсуждаемым вопросам, ведется корректная полемика с учеными, в т. ч. с «авторами-смежниками». Наряду с материально-правовыми вопросами в диссертационном исследовании хорошо представлены процессуальные аспекты применения ст. 399 ГК, весьма удачно отражены отдельные вопросы (в частности, вопросы поручительства, субсидиарной ответственности собственников имущества учреждений по обязательствам последних, а также мн. др.).

Давая общую положительную оценку проделанному А. С. Бакиным исследованию, последнему вместе с тем присущи и некоторые **недостатки**. Поэтому перейду к критической части отзыва, а поскольку она получилась весьма обширной, сформулирую десять пунктов, каждый из которых содержит один или несколько вопросов, на которые попрошу автора дать подробный ответ в процессе публичной защиты диссертации.

1. В плане внутренней организации работы у меня возник вопрос, насколько обоснованно (и потому имеет смысл) отделять друг от друга вопросы *субсидиарного обязательства* (глава 3) и *субсидиарной ответственности* (глава 4). Дело в том, что в главе 3 вопросы «субсидиарного обязательства» и «субсидиарной ответственности» тесно переплетаются, соответствующие термины указываются «через скобку», то и

дело приводятся ссылки на ст. 399 ГК («Субсидиарная ответственность»)¹, при этом делается *ключевой вывод о невозможности выделения регулятивных subsidiарных обязательств* (см. стр. 8, 78–82 диссертации, а также положение, выносимое на защиту №4), одновременно каких-либо убедительных доказательств существования subsidiарных обязательств, которые при этом не являлись бы гражданско-правовой ответственностью, увы, не представлено. Категории «субсидиарное обязательство» и «субсидиарная ответственность» в значительной степени сближает и тот факт, что в обязательстве явление subsidiарности возможно лишь на стороне должника, но оно невозможно на стороне кредитора. *Почему же в законодательстве в отличие от многочисленных примеров subsidiарной обязанности не существует ни одного примера subsidiарного требования?* Ответа на этот глубинный вопрос в работе я не нашел. Поэтому считаю, что попытка автора обосновать самостоятельность subsidiарного обязательства как такового, противопоставление друг другу subsidiарного обязательства и subsidiарной ответственности и освещение двух этих проявлений (случаев) subsidiарности в разных главах диссертации *во многом искусственно*. Уверен, работа выиграла бы за счет другого – объединения глав 3 и 4, и она приобрела бы большую полноту за счет дополнительного выделения и самостоятельного рассмотрения других – *полноценных* – проявлений (случаев) subsidiарности. В диссертации о них, к сожалению, даже не упоминается, но интересно было бы узнать, что, например, думает автор относительно такого проявления (случая) subsidiарности, как subsidiарное значение в системе нормативных и индивидуальных регуляторов гражданских отношений той части правовых обычаев, которые упоминаются в п. 5 ст. 421 ГК и которые в доктрине получили условное название «*обычай в дополнение к закону*»²? Не исключаю, что в бескрайней гражданско-правовой материи возможно обнаружить и другие яркие проявления (случаи) subsidiарности, которые позволили бы сформировать не искусственную, а полноценную главу (главы) диссертации (четвертую и другие).

2. В главе 2 диссертации на стр. 40–41 утверждается, что гражданское право как основа частноправового регулирования может применяться к отношениям иной отраслевой принадлежности, «это, – пишет автор далее, – касается, прежде всего, сферы семейного права, а также таких частноправовых отношений, которые относятся к сферам регулирования трудового, природоресурсного и экологического права» (стр. 41). Но, во-первых, в диссертации никак *не очерчивается сфера частного права и частно-правового регулирования* (о ней говорится как о само-собой разумеющемся явлении, понятном каждому, что называется, «по умолчанию»), а во-вторых, *я сильно сомневаюсь в том, что современное трудовое право РФ, учитывая специфику его предмета и метода, является правом частным*, которое можно было бы смело поставить в один ряд с правом гражданским³, наконец, в-третьих, если насчет семейных отношений сделанный вывод аргументируется ссылкой на ст. 4 Семейного кодекса РФ,

---

¹ Здесь и далее по тексту отзыва приводятся ссылки на Гражданский кодекс РФ.

² Подробно о них я писал в одной из своих книг, см.: *Ровный В. В. Обычай в частном праве*. – Иркутск. – Изд. ИГУ, 2004. – 76 с.

³ Подробно о частном праве см. мою докторскую диссертацию, защищенную 15 лет тому назад в Диссертационном Совете Томского государственного университета, а также одноименную монографию: *Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права*. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1999. – 310 с.

а насчет отношений природоресурсных – на подзаконный нормативный акт (см. соотв. сноски №1 и 2 на стр. 41), *то насчет отношений трудового и экологического права никаких аргументов не приводится*. Более того, ниже, на стр. 59 утверждается, что в Трудовом кодексе РФ в условиях т. н. «квалифицированного молчания» законодателя «субсидиарное применение норм ГК РФ к отношениям, регулируемым трудовым законодательством, в современных условиях невозможно. Субсидиарное применение может быть допущено только после внесения изменений в ТК о возможности применения гражданско-правовых норм...». Но даже если допустить возможность субсидиарного применения норм гражданского права для регулирования трудовых отношений *de lege ferenda*, то напрашивается вопрос: *какие, например, трудовые отношения с точки зрения автора могут стать объектом такого регулирования, и, следовательно, чего так не хватает в отнюдь небедном арсенале трудового законодательства?* Полагаю, автору придется подыскать достаточное количество таких примеров, поскольку в противном случае у идеи субсидиарного применения гражданского права к трудовым отношениям появляется серьезная альтернатива в виде «точечного» *дополнения соответствующих «узких» мест трудового законодательства*. Могу также предположить, что именно за этот вариант отдадут свои голоса многие представители славной науки трудового права.

3. К сожалению, автор не использовал в своем исследовании мои последние работы, имеющие прямое отношение к объекту его диссертационного исследования (они пригодились лишь тем, что нашли свое отражение в сведениях об официальном оппоненте)⁴. Я отнюдь не претендую на то, чтобы соискатели читали мои труды, но уж коль пересеклись темы наших научных изысканий, а мои работы позволили мне сейчас официально оппонировать, попрошу автора дать ответ на следующие три вопроса.

а) Каково его отношение к моей концепции деления норм, обеспечивающих субсидиарность, на *отсылки и привязки*? По тексту диссертации говорится лишь об отсылках, а этого недостаточно.

б) Почему законодатель для обеспечения субсидиарности в одном случае использует отсылки, а в другом – привязки, говоря иначе, чем обусловлен выбор законодателя в пользу того или другого юридико-технического приема, и есть ли у этого какая-то логика?

в) Если о субсидиарности не приходится говорить при наличии между двумя явлениями – дополнительным и основным – родовидовой связи (см. положение, выносимое на защиту №3, и далее на стр. 46–47), то в таком случае какой вообще прок от того, что законодатель, то и дело пренебрегая пресловутой идеей «экономии законодательного материала», включает в текст законов правила вроде тех, которые содержатся в п. 5 ст. 454, в ст. 625, в п. 2 ст. 702 ГК, а также во многих других подобных случаях? Где же тут экономия и рациональность? В чем состоит смысл и назначение этих норм, если и так понятно, что «общее дополняет специальное»? Может быть, это – доказательство того, что ГК РФ является «*подлинно народным*» нормативным актом и ориентируется на «*профана*», о котором в позапрошлом веке упоминал Отто фон Гирке

---

4 Имеются в виду: *Ровный В. В.* Приравнивание в частном праве (юридико-технические способы и пределы) // Сиб. юрид. вестн. – 2014. – № 2. – С. 39–53; *Он же.* Объем и пределы приравнивания в частном праве (окончание) // Там же. – № 3. – С. 52–65; *Он же.* Прием приравнивания в частном праве (понятие и особенности реализации). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 133 с.

в контексте противоположного по содержанию («антинародного») Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch⁵?

4. На стр. 52 диссертации неточно утверждение, будто бы субъективные права и обязанности возникают «при наличии соответствующих юридических фактов, *непосредственно из закона* (курсив мой. – В. Р.)». Субъективные права и обязанности всегда возникают из оснований, которые могут быть *единичными юридическими фактами*, а также существовать в виде их совокупностей (*фактических составов*) и особых – длящихся во времени – *юридических состояний*, закон лишь определяет эти основания. Полагаю, что недооценка данного обстоятельства не позволяет автору сделать решительный вывод о том, что же лежит в основе субсидиарной ответственности родителей перед кредиторами их несовершеннолетних детей 14–18 лет, участников некоторых юридических лиц перед кредиторами последних и т. п. Так, ниже на стр. 142 автор пишет следующее: «Трудно в качестве основания возложения ответственности назвать сами по себе семейно-правовые отношения детей и родителей, или отношения между полными товарищами (или даже факт создания товарищества) ...». Убежден в том, что ответственность родителей перед кредиторами своих детей покоится на таком правовом состоянии, как *родство*, а ответственность полных товарищей перед кредиторами хозяйственного товарищества – на правовом состоянии *членства (участия) в нем*, в т. ч. в соответствующих случаях – *бывшего членства (участия)* (см., например, п. 2 ст. 68 ГК). Эти юридические состояния в совокупности с другими юридическими фактами (причинение вреда кредитору основным ответчиком, а также отсутствие или недостаточность у последнего средств для несения ответственности) и предпосылают последующую ответственность субсидиарных должников (родителей, участников).

5. На стр. 66 диссертации и далее на стр. 67 автор, критически оценивая определение обязательства проф. О. С. Иоффе, предлагает не ограничивать предмет обязательства имущественными благами, ссылаясь на то, что, якобы, существуют *организационные правоотношения*, не связанные непосредственно с движением материальных благ, при этом делается ссылка на труды проф. О. А. Красавчикова. Однако, если уж братья за критику позиции проф. О. С. Иоффе, следует, видимо, отстаивать существование обязательств не с организационным, а с *неимущественным предметом*. Дело в том, что «неимущественное» отнюдь не исчерпывается «организационным» и к «организационному» не сводится, в свою очередь, «организационное» не покрывает всех случаев неимущественных благ, которые могут представлять ценность в рамках обязательственной связи кредитора и должника. К тому же в концепции проф. О. А. Красавчикова, сформулированной им полвека назад, и посвященной, скорее, вопросам предмета гражданского права, но не обязательствам, не все организационные отношения оказались связанными с обязательствами (поэтому настоятельно рекомендую соискателю еще раз прочесть статью авторитетного ученого в целях недопущения искажения его позиций⁶).

---

5 См.: Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 93; *Он же*. Законодательная техника. – М.: Норма–Инфра-М, 1998. – С. 58.

6 См.: Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Сов. государство и право. – 1966. – № 10. – С. 50–57.

6. На стр. 87 диссертации принципиально неверно утверждение, будто бы для членов крестьянских (фермерских) хозяйств (далее для краткости – «КФХ»), созданных согласно ст. 86.1 ГК, установлено правило, аналогичное тому, которое установлено для участников полного товарищества. Для меня, например, совершенно непонятно, какой является субсидиарная ответственность членов КФХ – *солидарной* или *долевой*, *полной* или *неполной*, должна ли она (ср. с правилом п. 1 ст. 95 ГК, ныне отмененной) *быть одинаковой* для всех членов или, напротив, может устанавливаться *индивидуально для каждого*, непонятно также, *каким образом все эти вопросы должны решаться?* В абз. 2 п. 4 ст. 86.1 ГК об этом ничего не говорится (в отличие от п. 1 ст. 75 ГК). Где же тут аналогичность в установленных законодателем правилах? Примечательно, что на это принципиальное обстоятельство автор внимания не обратил, однако далее на стр. 90 заметил, что в ст. 86.1 ГК законодатель не решил важный вопрос о... возрасте члена КФХ! По-моему, определение возраста члена КФХ – задача не ГК, а специального закона, упоминаемого в п. 5 ст. 86.1 ГК.

7. На стр. 94 автор пишет о субсидиарной ответственности малолетних участников *обществ с дополнительной ответственностью* (далее для краткости – «ОДО»). Во-первых, ОДО как организационно-правовая форма несколько месяцев назад прекратила свое существование: с 01.09.2014 посвященная им ст. 95 ГК утратила силу, при этом к ранее созданным ОДО применяются правила об обществах с ограниченной ответственностью (см. подп. 1 п. 8 ст. 3 ФЗ РФ от 05.05.2014 № 99-ФЗ), таким образом, вопрос о субсидиарной ответственности здесь отпадает автоматически и в принципе, о каких бы участниках ни шла речь. Во-вторых, даже если не принимать во внимание это принципиальное замечание (взамен него, следуя логике автора, можно допустить, к примеру, субсидиарную ответственность малолетнего, попавшего вдруг под действие правила абз. 2 п. 4 ст. 82 ГК), непонятно, как вообще малолетние могут отвечать, если они, несмотря на наличие у них примитивной сделкоспособности (см. п. 2 ст. 28 ГК), неделиктоспособны (см. п. 3 ст. 28 ГК) и по этой причине являются недееспособными? В гражданском праве малолетние – лица до 14 лет (см. п. 1 ст. 28 ГК), при этом стоит ли напоминать, что юридическая ответственность и наказание тесно связываются со способностью лица осознать, что оно совершило и что при этом должно претерпеть?! Может быть, автор здесь имеет в виду *ответственность на началах объективного вменения*, опять-таки как в таком случае быть с правилом п. 3 ст. 28 ГК?

8. В связи с вопросом о субсидиарной ответственности родителей, усыновителей и попечителей за вред, причиненный несовершеннолетним в возрасте 14–18 лет, хотелось бы поинтересоваться, *работает ли аналогичное правило в том случае, если несовершеннолетнего 14–18 лет привлекают к договорной ответственности?* Как автор может объяснить смысл двух норм, помещенных в п. 3 ст. 26 ГК, а также нормы, оказавшейся ниже в п. 2 ст. 27 ГК (в последнем случае законодатель почему-то использует слово, «в частности»)? Более широко мой вопрос автору может выглядеть так: *ограничивается ли субсидиарная ответственность родителей, усыновителей и попечителей перед кредиторами несовершеннолетнего 14–18 лет лишь деликтной сферой, и имеет ли смысл ограничивать ее последней (если имеет, то в чем тогда этот смысл состоит)?*

9. В качестве критерия деления субсидиарной ответственности на договорную и внедоговорную автор предлагает т. н. «внешние» отношения – т. е. отношения между кредитором и основным должником, в рамках которых происходит нарушение прав кредитора (см. положение, выносимое на защиту №5, по тексту подробно – стр. 140–

150). И все бы ничего, если бы нарушение договора всегда влекло для должника ответственность договорную, а внедоговорное причинение вреда – деликтную. Однако, как известно, в некоторых предусмотренных законом случаях в силу тех или других причин *должник при наличии договора привлекается не к договорной, а к деликтной ответственности* (см., например, ст. 580, 800, 1084, 1095 ГК). Учитывает ли это обстоятельство автор, формулируя положение, выносимое на защиту №5, и далее развивая его на страницах главы 4 диссертации, и не требует ли его концепция деления субсидиарной ответственности на договорную и внедоговорную соответствующего уточнения (оговорки)?

10. По поводу авторской концепции гражданско-правовой ответственности у меня возникли и другие вопросы.

а) Я так и не понял, допускает ли автор существование в гражданском праве ответственности без принуждения (т. н. *добровольной ответственности*)? По всей видимости, что не допускает (см. стр. 135 диссертации и след.). Как бы там ни было, известно мнение (оно, в частности, было высказано на защите моей докторской диссертации первым оппонентом – проф. В. В. Витрянским), будто бы «добровольная ответственность» представляет собой не ответственность, а *отступное* (см. ст. 409 ГК). Что думает автор по поводу такой «квалификации» добровольных выплат? Полагаю, что по прошествии пятнадцати лет было бы интересно вновь вернуться к обсуждению этого вопроса.

б) Мне не совсем понятна предлагаемая автором категория «*упречности*» (см. положение, выносимое на защиту №7) применительно к поведению дополнительного (субсидиарного) должника. Во-первых, предлагая новую категориальную пару «упречность–безупречность», придется пойти дальше и наполнить ее самостоятельным смыслом в целях отграничения от уже существующих категориальных пар, известных и исследованных в большей степени («виновность–невиновность») или в меньшей («добросовестность–недобросовестность»). Между тем написанное по тексту диссертации и в сноске №1 на стр. 164 мало что дает и объясняет! Во-вторых, представляется, что вопреки мнению автора субсидиарная ответственность возможна и в условиях безупречного поведения субсидиарного должника. Не спорю, что всегда можно найти то, в чем упрекнуть родителя (недосмотрел, непроконтролировал, ослабил бдительность, много работал, а потому мало общался с ребенком и т. п.), но упрекать участника полного товарищества до такой степени нельзя! В полном товариществе, как известно, нет органов управления, при этом в нем могут быть реализованы разные принципы управления и установлен разный порядок ведения дел. Гипотетическая ситуация, когда в силу диспозитивного правила п. 2 ст. 71 ГК голос конкретного товарища ничего не решает, а в силу диспозитивного правила абз. 1 п. 1 ст. 72 ГК этот товарищ к тому же отстранен от ведения дел товарищества (и, таким образом, становится «пассивным участником»), отнюдь не исключает его субсидиарной ответственности перед кредиторами товарищества. Но что можно поставить в упрек такому – «пассивному» – товарищу? Тем более, в чем можно упрекнуть тех товарищей, которые несут субсидиарную ответственность согласно абз. 1 п. 2 ст. 75 ГК (т. е. отвечают за то, что возникло *до их вступления в товарищество*)? Позиция автора относительно категории «упречность», таким образом, представляется весьма уязвимой, поскольку не способна охватить и объяснить все возможные случаи субсидиарной ответственности.

в) И, наконец, последнее. Категорически не согласен с утверждением автора, будто бы известная гражданско-правовая презумпция вины (виновности) должника применяется (цитата) «в том числе и в предпринимательских отношениях» (см. стр. 164

диссертации). Дело в том, что предназначение всякой презумпции состоит в восполнении дефицита той или иной необходимой юридически-значимой информации посредством предположения о чем-либо. В гражданском праве известны два начала (принципа) ответственности – *начало вины* (см. п. 1 ст. 401 ГК) и *начало причинения* или *риска* (см., например, п. 3 ст. 401, абз. 2 п. 1 ст. 901, п. 1 ст. 1070, ст. 1079 ГК). Поскольку предприниматели согласно п. 3 ст. 401 ГК отвечают независимо от вины, в условиях неочевидности их вины прибегать к презумпции ее существования не имеет смысла: на предпринимателя ответственность должна возлагаться всякий раз, т. е. не только при наличии их вины в форме умысла или неосторожности, но и при наличии *casus*⁷ (простого случая), за исключением обстоятельств непреодолимой силы (квалифицированного случая).

По тексту работы можно встретить ряд явных неточностей и шероховатостей, свидетельствующих о небрежности в процессе выполнения работы и ее оформлении. Вот некоторые из них, которые бросились мне в глаза, и которые автору, по всей видимости, придется признать:

- на ст. 50 не могу согласиться с тем, что при аналогии права применяется норма: при аналогии права применяется не норма, а *принцип* (который далеко не всегда может быть оформлен в виде нормы права, а значит представлять собой т. н. норму-принцип);

- на стр. 64 Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик должны датироваться не 1964 г., а 1961 г.⁷;

- на стр. 68 о равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности в ГК говорится не в ст. 1, а в абз. 1 п. 1 ст. 2;

- на стр. 87 в связи с современным крестьянским (фермерским) хозяйством, являющимся коммерческой корпорацией, надлежит сослаться на п. 4 ст. 86.1 (а не на ст. 68.1, которой попросту не существует);

- на стр. 93 в сноске №3 говорится о вкладчике в некоем *товариществе с дополнительной ответственностью* (?), однако такой организационно-правовой формы в российском гражданском праве не было и нет;

- на стр. 120, говоря о субсидиарной ответственности членов потребительского кооператива в пределах невнесенной части дополнительного взноса, вместо ст. 123.2 следует сослаться на п. 2 ст. 123.3;

- неточно и некорректно, когда автор при воспроизведении какого-либо мнения связывает его со всеми участниками коллективного исследования, когда в действительности их участие (соавторство) в таком исследовании было отдельным (например, на стр. 162 теорию «необходимой и случайной» причинной связи следует связывать с именем проф. Л. А. Лунца: в книге, на которую ссылается автор⁸, именно он, а не проф. И. Б. Новицкий написал главу VII «Последствия неисполнения обязательства»).

К тому же у меня сложилось впечатление, что разные части диссертации автор писал в разные периоды своей жизни, а когда пришло время свести их воедино, он попросту не поспел за изменившимся законодательством. Так, например:

---

⁷ Приняты Законом СССР от 08.12.1961 // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 525.

⁸ Имеется в виду кн.: *Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве.* – М.: Госюрздат, 1950. – 416 с.

● на стр. 42 в контексте ст. 6 ГК следует говорить не об *обычае делового оборота*, а шире – об *обычае*: название и содержание статьи изменены ФЗ от 30.12.2012 № 302-ФЗ.

● на стр. 80 ссылки на ст. 115 и 120 ГК, хотя бы и сделанные в связи с освещением позиции Е. П. Прус, более *неактуальны*: с 01.09.2014 эти статьи *утратили силу* (см. ФЗ РФ от 05.05.2014 № 99-ФЗ), о чем следовало бы оговориться.

Изложенное выше позволяет мне сделать следующие итоговые выводы.

1. Диссертационное исследование А. С. Бакина опирается на достаточное количество предварительно опубликованных соискателем работ, автор имеет необходимые публикации в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций, а также в других источниках. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации.

2. Диссертационное исследование А. С. Бакина не лишено недостатков, упрек по поводу которых адресую не только самому автору, но и его ближайшему и более опытному научному окружению. Вместе с тем диссертационное исследование представляет собой многолетний (судя по научным публикациям – более чем десятилетний), самостоятельный, творческий труд, обладает элементами новизны и в целом соответствует критериям, указанным в п. 9, 10 Положения «О присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ «О порядке присуждения ученых степеней» от 24.09.2013 № 842.

3. Желая А. С. Бакину успешной защиты, считаю, что он заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук.

Официальный оппонент: профессор, доктор юридических наук (12.00.03), профессор кафедры гражданского права Юридического института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Иркутский государственный университет»

Валерий Владимирович Ровный

664003, г. Иркутск, ул. Карла-Маркса, 1, ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»; веб-сайт: <http://www.isu.ru>; <http://www.lawinstitut.ru>; E-mail: civil@lawinstitut.ru; тел. кафедры: (3952)521189.

Дата: 16.02.2015

Отзыв профессора В. В. Ровного удостоверяю
Ученый секретарь ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Нелли Гавриловна Кузьмина

